

ДАМНАР

НЕВЕДЕНИЕ

II

Марина Якунина

18+

Марина Якунина
Дамнар. Неведение II

«Автор»

2023

Якунина М.

Дамнар. Неведение II / М. Якунина — «Автор», 2023

Молодой Князь тьмы увлёкся юной наивной девушкой. Сейчас она для него - лишь игрушка, за которой забавно наблюдать. А увлёкшись, ослабил бдительность. Тем временем над головами дорогих ему личностей вскоре сгустятся тучи. Ведь план «света» уже давно в действии, причём успешно. Враги уже рядом, и некоторые из них на острове Проклятых, скрытые под благожелательными масками. Только вот измученный магическим недугом Князь уже плохо отличает друзей от врагов и всё больше отдаляется от любимого брата. Примечания: Рекомендуется читать после первой части "Дамнар. Неведение". У книг сквозная нумерация. Иллюстрацию для обложки делала сама с использованием нескольких нейросетей и постобработкой и дорисовкой в фотошопе.

© Якунина М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 16.1. Обряд	5
Глава 16.2. Обряд	8
Глава 16.3. Обряд	11
Глава 16.4. Обряд	14
Интерлюдия 2.1	18
Интерлюдия 2.2	22
Глава 17.1. Лаборатория	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Якунина

Дамнар. Неведение II

Глава 16.1. Обряд

Князь находился у окна, вопреки обыкновению, открыв настежь ставни и смотря на высоко стоящее солнце. На тёмно-синем, почти чёрном кресле с кованными подлокотниками лежал корсет с разрезанной шнуровкой. Еся сразу заметила на столешнице свой потерянный в покоях князя железный ножичек.

Октавио, замаявшись в дверях, произнёс одно из полагающихся приветствий, но князь проигнорировал. Еся не зная, надо ли ей заходить в комнату, осталась стоять позади будущего вампира.

Сет согласился выполнить просьбу Клэр, ненавидя себя за это. Ещё когда она стала одеваться, его начало поколачивать от ярости. Итернитас зашевелился и принялся сонно ошупывать его злость, раздражая и подстёгивая всё сильнее. И ещё хотелось узнать, из какого теста вылеплен его будущий кнехт. Среди вампиров ходило поверье, что для обращения нужно согласие. *«Что ж, не будем нарушать традицию... В конце концов, парнишка пришёл своими ногами и не в цепях. Значит, знает, на что идёт. Или думает, что знает. А вот девке, кажется, опять не повезло. Во всяком случае, о таком забавном пари с самим собой, похоже, придётся забыть».*

– Ложись на диван.

Юноша и девушка машинально переглянулись. Еся в недоумении пожала плечами. Октавио сделал два неуверенных шага в комнату.

– Да не ты, дурень! – князь недобро хохотнул и повернулся к зрителям. Глаза были уже кроваво-красными. От края век вниз к вискам и щекам по венам расплзалась тьма. В золотистых лучах солнца это выглядело предельно чужеродно. Там, где правит свет, не должна вершиться подобные дела.

Оба живых застыли в оцепенении. У них одновременно округлились глаза в испуге. *«Что ж, хорошее начало».* Итернитас, до этого питавшийся только яростью Сета, быстро переключался на зрителей.

– Что встала? Оглохла? – князь пересёк всю комнату от окна до двери почти в одно мгновение. Поток воздуха, возникший из-за его движения, всколыхнул одежду юноши и растрепал его кучерявые волосы. Князь с оглушительным грохотом захлопнул дверь, и сразу после этого с силой вцепился в руку девки, повыше локтя, и поволок её, упирающуюся и тихо скулящую, к дивану.

Октавио протянул руку вперёд, будто пытаясь остановить его движение, но в нерешительности замер, глупо открыв рот, потеряв дар речи. Сет исподволь наблюдал за его реакцией.

– Молчать, сука! – Князь схватил её за косу и швырнул на диван. От тела, ударившегося о мягкую спинку, он было начал заваливаться по инерции назад, но Князь ловко остановил движение, небрежно придавив ступнёй.

Когда ножки дивана твёрдо коснулись пола, Еся попыталась соскочить, перекатившись, но Князь остановил её, схватив рукой за горло и немного придушил. Рванул вниз её рубаху, сильнее обнажая шею и плечи. Она хотела вырваться или остановить его, но тело вновь отказалось повиноваться, совсем как при укусе вампирши. Ей, еле живой от ужаса, осталось только мысленно молиться и наблюдать.

– Что вы? Зачем вы? – Октавио, весь раскрасневшийся, пытался выдавить из себя слова, застрявшие в горле от удивления и злости на собственное бессилие.

– Зачем я что? Применил паралич? Ты предпочитаешь, чтобы она кричала и сопротивлялась? Можно и устроить... – истолковав невнятный вопрос по-своему, рывкнул князь. Внутри него начало клокотать бешенство. *«Вся их семейка одинаковая, зачем я только согласился»*. – Это не слишком удобно, да и совсем всё в крови перемажется. Охота тебе – сам связывай. Вон, шнурки от корсета твоей тётки вполне сгодятся.

– К-кровью? Мне придётся её пить? – в неподдельном испуге и отвращении сказал племянник Клэр, неловко отступая назад. Пока было непонятно, что ему претит больше: насилие над девушкой или факт того, что ему придётся вкусить человеческой крови...

– А ты думал, я её с иной целью на диван повалил? – князь, вне себя от ярости расхохотался. – Одно другому не слишком мешает. Но если дергаться сильно не будет, просто будет чище. И, да... если не хочешь блузку и штаны запачкать, лучше сразу разденься.

Вопреки ожиданию разгорячённого князя, рука юноши сначала рефлекторно дёрнулась к поясу. Видимо, владеет мечом или саблей, но оружия там не оказалось. Затем Октавио сделал шаг назад, качая головой в отрицании. Его взгляд всё сильнее наполнялся ненавистью и ужасом. Затем мелькнуло бессилие. *«О да, он наверняка был наслышан, что навредить дамнару ой как непросто»*.

– Ну так что? – резко и раздражённо поторопил князь.

– Я не могу... – потерянно прошептал юноша.

– Не можешь что?

– Поступить с ней так не могу. Так нельзя. Она не виновата ни в чём.

Внутри Еси забились робкая надежда, что этот страшный сон может закончиться без превращения её в обед. Замок, почувствовав, что страх девки ослабел, перешёл на жертву повкуснее.

Сет уже начал жалеть, что всё это затеял. Кажется, родня Клэр просто хотела вытравить из паренька человека, но, сильно подстёгиваемый Итернитасом, даже не подумал остановиться. *«Раз уж начал, идти придётся до конца»*.

– Серьёзно? Эта девка сама ложится под каждого, стоит лишь поманить. Давеча стянула у твоей тётки браслет, так что зря ты на неё платок потратил – заслужила. Ещё от прислуги слышал, что утопила ненужного ублюдка. Достаточно? – Князь приподнял бровь. – Советую на будущее интересоваться своим обедом поменьше. Если будешь так ломаться каждый раз, он попросту успеет сбежать.

Октавио замешкался. Была видна внутренняя борьба. У Еси запылали щёки, и навернулись слёзы. Она никак не ожидала подобных слов в свой адрес. *«Кто ему успел про меня столько напелсти? Что теперь этот юноша обо мне подумает?»* – стыд, вечный спутник, завладел разумом, хоть и не было для него оснований.

– Это правда?

– А ты всегда веришь любому бреду, что тебе говорят? Я не знаю. Может быть, что-то и угадал. Всякое бывает... – Князь ослабил, сверкнув клыками, и наклонил голову немного набок. – А может быть, я вру? Что тебе надо о ней узнать, чтобы решиться?

На Октавио было жалко смотреть. Есения не могла поверить своим ушам. Она догадалась, что это представление, но не понимала, ради чего всё.

– Ничего! Это неважно! Вы... Вы такой же, как они все! Чудовище! Как я же вас всех ненавижу! – кулаки юноши в ярости сжались. От обходительной маски не осталось и следа.

– Зачем тогда дал согласие? – князь смотрел на теперь уже бледного юношу тяжёлым взглядом, надеясь, что тот отступит. Человеком он был явно неплохим. Жалко убивать.

Октавио тяжело и шумно дышал. Руки тряслись от сдерживаемого гнева и бессилия. Он отвернулся и прошептал.

– Они убьют Зельду, если я откажусь. И сначала отдадут стае. Мы пытались бежать – но Волки нашли.

«Ясно, ещё один влюблённый идиот» – Сет разочарованно вздохнул. Не то чтобы он ожидал чего-то возвышенного – нет... Чаще всего обращаемые стремились к вечной молодости, быстрому восстановлению, отсутствию болезней и зависимости от человеческих слабостей. Власть, сила, вечная жизнь и почти гарантированная безнаказанность в обмен на совесть, чувства и волю.

У Еси сжалось сердце от жалости к юноше и его возлюбленной. Во всех известных ей сказках и былинах любовь побеждала любые беды и чары. Но то, что происходило сейчас, хоть и являлось жертвой со стороны юноши, не предполагало счастливого конца ни для кого из них. Нечестно и несправедливо распоряжались боги судьбами ходящих под небом людей. От безысходности в горле вновь собрался тугой ком, и на глаза навернулись слёзы.

– Душа в обмен даже не на бессмертие, а на подстилку... Уверен, что не продешевил? – насмешка и презрение больно царапнули разум Октавио, но он продолжал упрямо смотреть в глаза князя и молчал. Еся внутренне протестовала. Где-то глубоко в душе она верила, что настоящая любовь существует, и жертва юноши была для неё подтверждением.

– А если после твоих неуважительных слов я откажусь обращаться, что будет с ней, ты подумал? – Князь перешёл почти на шёпот, зная, как смена его голоса обычно действует на окружающих.

В глазах Октавио отразился неподдельный ужас, он припал на одно колено, склонив голову, приложив собранную в кулак руку к сердцу:

– Господин, простите мои неразумные слова. Я и моя семья преданы вам до конца наших жизней без остатка. Моя воля – ваша. Моё сердце – ваше. Мои мысли – ваши.

Слова, произнесенные Октавио, вывели Сета из себя. Навряд ли бы обряд свершился без этой, принятой ковенами короткой клятвы, вверяющей их душу в полное владение дамнара. Но слышать её в свой адрес, от юноши, толком не понимающем, чем для него это грозит было невыносимо. Сет навис над своим будущим кнехтом, склонившим голову, не смеющим поднять глаза на своего палача.

– Ты хоть понимаешь, что это значит? – Сет, чуть ли не хватая себя за руки, чтобы не ответить Октавио отрезвляющую пощёчину, почти прошипел. – Понимаешь, что после обращения, я могу тебе приказать отрезать от этой девки кусочки и сожрать всё до последней кости? – юноша поднял на него полный ужаса взгляд, но встретившись с дамнаром глазами вновь склонился. После небольшой паузы Сет продолжил, говоря всё тише и тише, так что вскоре биение сердец до полусмерти перепуганных юноши и служанки грозили перекрыть его слова:

– И ты сделаешь это. Понимаешь, что я могу приказать тебе сунуть свою голову в костёр и держать там, пока глаза не вытекут? И понимаешь, что твою Зельду ты скорее всего, сам Волкам отдашь? Или сразу свиньям сожрать?

Глава 16.2. Обряд

Октавио не смел поднять взгляд. Было видно, как у него подрагивают руки, сжатые в кулаки и еле заметно вертел головой из стороны в сторону, явно не желая исполнять всё вышеперечисленное. Закончил свою речь Сет ледяным тоном, от которого юноша весьма заметно вздрогнул:

– Вот тебе. Воля, сердце, мысли... Не будет у тебя ни того, ни другого, ни третьего, если отдам приказ.

Чувствуя изнеможение, Сет опустил в кресло и надолго замолчал. У юноши действительно не было выхода, если он собирался спасти ту свою безродную пассию. Он мог бы помочь этим двоим скрыться... В другой юниверсум за ними точно не последовали бы – слишком рискованно. Но он уже дал слово Клэр, да и та девка оставалась в поместье. *«Придётся поговорить с его тёткой, чтобы сдержали слово, и оставили деву с приплодом в живых... В любом случае без жреца на иног отпрыска от племянника теперь рассчитывать семье не приходится, а меня они на ритуал точно не уговорят. Тут даже Клэр понятно, что не стоит и пытаться».*

Октавио так и стоял на коленях посередине комнаты, медленно покачивал головой и молчал, его била крупная дрожь. Сет не торопил его с ответом.

– У меня нет выхода, кроме как довериться вашей воле, – срывающимся голосом произнёс паренёк. – Только умоляю, если в вас ещё осталось что-то человеческое, не заставляйте убивать... – голос дрогнул, парень не в силах говорить дальше сглотнул и замолчал.

Сета разрывали противоречивые чувства. Он искренне понимал душевные терзания юноши. Но не преподать урок не мог.

– Готов?

От этой короткой фразы, произнесённой будничным бесцветным голосом, у Еси внутри всё похолодело. Надежда выбраться из передраги стремительно таяла.

Юноша вымученно поднял глаза и посмотрел на солнце. Все кнехты отца перед обращением смотрели на небесное светило, даже зная о том, что выйти под его лучи не представляет особых проблем. Видимо, где-то в глубинах души чувствовали, что свету они больше не принадлежат. Октавио, не отрывая взгляд от слепящего диска, неуверенно кивнул. Князь не стал более оттягивать ожидание.

С искренним сожалением подойдя к стоящему на коленях юноше, Сет и также встал рядом, схватив его голову в районе затылка одной рукой. Зафиксировал, чтобы тот не смог вырваться. Октавио всеми фибрами души был против, это было видно в глубине его глаз, но промолчал.

Плавнo приблизившись на расстояние около трёх дюймов к лицу Октавио, Князь замер и стал вглядываться в глубину зрачков не смеявшего пошевелиться и отвести глаза юноши. Дамнар чувствовал, как в человеке нарастает паника. В какой бешеный ритм входит пульс. Сета одолевали лёгкие сомнения и волнение. Всё-таки с Джастинoм ему удалось проделать этот трюк много лет назад. Но Джастин был его братом – одной крови. Вдруг тут не выйдет? Сет заставил себя отогнать тень сомнения. Сейчас ему надлежало совершить необратимое, противоестественное для любого из миров деяние.

Князь потянулся к жизненной энергии своей жертвы и начал пить. Со стороны Есе было видно, как через глаза от человека к дамнару тянется лёгкая белая струйка дыма. Несколько мгновений ничего не менялось. Затем тело Октавио, по мере того как белёсая струя становилась всё ярче, начало биться в конвульсиях. Юноша не падал только из-за того что его удерживала почти на весу рука Князя. Есю обуял смертельный ужас, хотелось кричать, но парализованное тело не давало такой возможности.

Под конец, свет от вырываемой из тела жизни стал нестерпимо ярким и резал, выжигал глаза. У Есении стали танцевать перед взором цветные пятна, мешающие видеть. Князь, когда закончилась жизненная энергия, добрался до души. Можно было выпить всё до остатка, как это делал Отец. Вероятно, Сет так бы и поступил, веди себя Октавио иначе во время представления. Но дамнар имел свои мысли на этот счёт. В последний миг, когда дух Октавио начал бледнеть, Сет остановился. Юноше будет сложнее приспособиться. Но хотя бы он будет помнить о том, какого было жить и испытывать настоящие чувства.

Перешедшая в князя душа уже начала изменяться. Из неё уходили краски и свет. Вскоре она стала похожа на дым от костра, заваленного прошлогодней листвой. Но осталось ещё тело. С Джастином было несколько проще – он и так был почти мёртв на момент ритуала. Сет тогда еле успел всё проверить до того, как умер мозг.

Сету надлежало снизить показатели тела человека до минимума, который был бы уже не совместим с жизнью, но в момент перед последним ударом сердца, вернуть изменённую жизненную силу. Часть души же, вырванной из тела, пусть и не до конца, навечно останется у дамнара.

Внимательно прислушиваясь к току крови Октавио, Князь начал плавно и осторожно, если не сказать, нежно, убивать.

Чем медленнее шёл ток крови и чем реже билось сердце, тем острее и горячее становились иглы в висках, посылаемые Отражением. Сет до скрипа сжал челюсти и пытался их игнорировать, только огрызнулся мысленно: *«Чем сильнее ты меня отвлекаешь, тем больше вероятности, что умрёт окончательно, а значит и совсем напрасно».*

Это, как и предполагал Сет, не помогло – Отражение сопротивлялось убийству всё сильнее. Какофония, сопровождающая незримое истязание висков уже заглушила все внешние звуки. Князю пришлось ориентироваться по едва заметной вибрации от еле чувствующегося пульса.

Недовольный преждевременным вызовом жнец начал виться неподалёку, не решаясь подлететь. Тело было уже на самой грани жизни, душа ещё оставалась в нём. Князь лёгким импульсом отогнал жнеца чуть подальше, чтобы не мешался и не отвлекал. И так сложностей хватало.

С последним ударом сердца остаток духа Октавио собирался выпорхнуть из умершего тела, но Сет успел подгадать момент. Серые, лишённые цвета струи потянулись обратно к человеку из глаз дамнара, зацепив стремящуюся вылететь душу, и заталкивая её обратно в тело.

Удивлённый жнец заметался по комнате, не в силах понять произошедшее. Скоро он уйдёт ни с чем. Но для этого нужно, чтобы тело Октавио изменилось.

Виски ломило уже не так сильно. Отражение понимало, что уже ничего не изменить. Сет обратил внимание, что замок всё ещё питается парализованной служанкой. Видимо, девушка сама полуживая от страха. Сет почувствовал лёгкий укол совести. Девка всё видела и слышала, а для неё ещё ничего не закончилось.

Князь неспешно подошёл к столику за ножичком. Всё-таки надрез удобнее делать лезвием, а не ногтями. В раздумьях посмотрел на девку. Он не хотел её пугать ещё сильнее или причинять боль, но новоиспечённый вампир будет очень голоден. И ему нужно будет потренироваться. Давать на пропитание себя самого, как это вышло в итоге с Джастином, Сет категорически не хотел. К тому же ему нужно было кое-что проверить, а заодно и преподать кнехту пару уроков. Очень суровых уроков. А девка, которая при жизни Октавио, судя по перевязанной платком руке, вызвала эмоциональный отклик у юноши, и подходила для этого как нельзя лучше.

Решившись, Князь подошёл к будущему слуге, поднёс к его губам как можно ближе своё запястье и легонько чиркнул ножичком по коже. Несколько капель проклятой крови попали на губы мёртвого тела с изменённой жизненной силой и остатками души. Когда на губы Октавио

упала последняя капля, ранка на запястье Сета уже затянулась. Изменения начались. Теперь оставалось несколько минут томительного ожидания.

Глава 16.3. Обряд

Чувствуя потребность объясниться и как-то успокоить ни в чём неповинную служанку, Князь вернулся к дивану. Помедлив, присел рядом с ней, на уровне её бёдер, аккуратно вернул ножичек за голенище хозяйки.

– Я обещаю, ты выживешь, – уверенным тоном начал Князь. – Если он не совсем дурак, то и боли не почувствуешь. Во всяком случае, во время трапезы. А потом я тебя подлатаю. Не могу обещать, что не останется шрамов... Но они – лучше, чем истечь кровью до смерти.

Нельзя сказать, что слова совсем не приободрили Есю. Жить-то ей хотелось. Но шрамов на теле и так было предостаточно, да и сомнительно было, что Князь не врёт. С чего вдруг ему о ней заботиться?

– А вот то, что не будет страшно – обещать не могу. Будет, ещё как... Постарайся не принимать близко к сердцу. Ты просто попала под руку в неподходящий момент, – заправляя выбившуюся прядь девушки за ухо Князь. Затем, немного помедлив, осторожно закрыл ей веки. Пусть хоть роговица не сохнет. И, может быть, ей будет так немного легче.

От прикосновения ледяных пальцев к коже Есю передёрнуло. Она не понимала, зачем Князь закрыл ей глаза, и испугалась ещё сильнее. Итернитас всё ещё продолжал ей кормиться, не давая успокоиться.

Сет встал с диванчика и пересел обратно в кресло, подлив себе вина, и стал ждать. Трансформация – не слишком быстрый процесс, хоть и не привязан к луне, как у оборотней. Каждый раз, видя как это делает отец, закрадывались мысли: вдруг в этот раз не получится?

Через несколько минут жнец устал ждать и растворился в воздухе. А значит, Октавио скоро очнётся. Сет напрягся. Главное, не упустить момент.

Октавио резко вынырнул из тёмного сна. Вначале пробудились ощущения. Всё тело ломило так, будто бы он кубарем летел с вершины исполинской горы, вперемешку с камнями и гравием. Голова кружилась, не было ни одной внятной мысли.

Жажда. Нестерпимо хотелось пить. Подсознание подсказывало, что это поможет излечиться и унять боль. С отстранённым удивлением Октавио заметил, что не дышит. Где-то промелькнула мысль, что это неправильно. Надо заставить себя дышать. Юноша нарочито и осторожно втянул воздух в лёгкие, будто сомневаясь, что у него это получится.

В ноздри ударила мешанина запахов, которые человек раньше не различал, или не обращал внимания. Запах пыли и пота, дух двух женщин и мужчины, доносящийся из открытого окна аромат свежей листвы и мельчайшей пыльцы. Но ярче всего был слышан запах крови. Источник жизни совсем рядом. «Необходимо испить».

Октавио, не ощущая ничего, кроме желания выжить, кинулся к дивану с парализованной служанкой. Запах крови исходил от замотанного платком запястья, но интуитивно вампир чувствовал, что добравшись к горлу, добыть вожаделенную влагу будет проще. Юноша уже заскочил на диван, не обращая внимания, что он буквально улёгся на девку, и тянулся к шее жертвы, как вдруг услышал где-то в глубине сознания:

– Остановись!

Октавио замер и задрожал, не в силах сопротивляться приказу, и не в силах побороть желание выпить жизнь из лежащего под ним человека. «Зачем он мучает меня?» – новоиспечённый вампир был в недоумении. Есения, едва слышав движение, сжалась от предчувствия скорой боли. Она ощутила, как ей внезапно стало тяжело, не сразу осознав, что юноша на неё лёг. Она расслышала шаги. И с ужасом осознала, что парень не дышит. Его лицо было близко к её шее, но по неясной для Еси причине, он медлил. Ожидание было ещё хуже, чем укус вам-

пирши. Мысленно содрогаясь от ужаса, Еся порадовалась, что у неё закрыты глаза. Страх был настолько велик, что она даже не беспокоилась о том, что придавлена к дивану мужчиной.

Князь неторопливо подошёл к кнехту, опустился на колени, чтобы их лица оказались на одном уровне, попытался поймать расфокусированный взгляд юноши.

– Если ты просто так вцепишься ей в горло – она не выживет. И, напомню, что несколькими минутами ранее ты не хотел делать ей больно, – бесцветный голос раздался эхом в голове Октавио, хоть губы Князя не двигались.

– Как? – смог прохрипеть юноша. Разум и язык почти не слушались, но реальность уже не ускользала столь сильно, как в момент пробуждения.

– Ты способен понимать сейчас обычную речь? – поинтересовался Князь вслух.

Октавио облизнул пересохшие губы и утвердительно кивнул. Еся тоже вся обратилась в слух, стараясь успокоиться. Она уже невыносимо устала бояться.

– Тогда слушай. Сейчас, пока я рядом, прокусишь шею. Морок начнёт действовать, если ты этого пожелаешь, в момент, когда начнёшь пить. То есть, пока кожу не прокусишь – она всё будет чувствовать и слышать. Чем медленнее – тем больнее. Повредишь артерии – наешься быстрее, но она помрёт, да и изгваздаешь тут всё сильно. Больше шансов на выживание твоего обеда, если прокусить ту же кисть или запястье... Но это ты ещё успеешь. Про другие места Клэр расскажет, а может и сам догадаешься. Приступай, – последнее слово отозвалось импульсом в мозгу Октавио. Не в силах сопротивляться, он прильнул к шее жертвы, стараясь держаться подальше от яремных вен и артерии, мысленно молясь, чтобы она ничего не почувствовала.

Еся, слушая весь этот разговор, внутренне содрогалась. Как только острые зубы сомкнулись на коже, сознание девушки уплыло в ласковый туман безмятежных грёз. Дыхание парализованной стало ровным и глубоким. Всё тело расслабилось, создалось впечатление, что она заснула. Сет прикоснулся к её руке, стараясь запомнить этот морок и продлить. Рано ей ещё посыпаться.

Князь был удивлён. До этого случая он наблюдал у жертв дурман, приносящий опьянение, возбуждение, даже галлюцинации, но покой и умиротворение во время процесса кормления он видел впервые. Тем не менее отвлекаться нельзя. Для насыщения много не требуется, но неопытный малый скорее больше мимо прольёт, чем выпьет, а потом ещё кровь останавливай.

– Достаточно, отпусти её.

Октавио отпрянул от девушки, машинально поднеся ко рту руки, и, коснувшись влаги, поднял их на уровень глаз. Вся нижняя часть лица оказалась измазанной в крови. Руки юноши начали мелко дрожать, когда он начал осознавать случившееся. Он перевёл взгляд на спящую девушку. Она казалась безмятежной. Из раны сочилась кровь, пропитывая тёмную ткань дивана. Цвет был выбран явно не случайно. Крови почти не было заметно на обивке. Итернитас, потерявший интерес к заснувшей девке, переключился на новорождённого вампира.

– Ну? Может быть, ты ей рану зажмёшь чем-то, или так и дальше будешь пялиться? – в насмешливом голосе Князя послышалось раздражение. Он не хотел показывать кнехту, что жизнь девки его хоть как-то волнует.

Октавио, как в полусне, заметался взглядом по комнате, не находя никакой подходящей тряпки.

– Подсказка. На тебе есть рубашка. А она сейчас из морока перейдёт в вечный сон, пока ты видами любишься.

Юноша, всё ещё лежащий на Есе, сел, не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Неумело стащил за ворот с себя блузу, не тратя время на пуговицы. Скомкал её и прижал к кровоточащей ране, дрожащей от напряжения рукой.

Князь, убедившись, что рана надёжно зажата, а девка крепко спит, отпустил её руку и не спеша отправился к креслу, на спинке которого была небрежно наброшена его куртка. Начал

рыться по карманам. *«Надо было заранее достать, дуралей»* – подумалось дамнару, когда он заметил ещё одного жнеца, прилетевшего уже за девкой.

В итоге всё же вытащил нужный пузырёк из толстого стекла с желтоватым порошком, откупорил, подошёл к замершему в ожидании Октавио, резко скомандовал:

– Убери тряпку.

Глава 16.4. Обряд

Октавио, всё ещё дрожащий, с трудом осознающий свершившееся, повиновался. Сет сыпанул порошок на рану девки. Тот, смешиваясь с кровью, начал быстро становиться похожим на кисель. Кровотечение стало меньше.

– Прижми обратно.

Октавио, зажал рану, с облегчением выдыхая. Было похоже, что девушку действительно можно было спасти.

– Это хитозан. Обычно можно купить на ярмарках в портах. Делается из панцирей некоторых морских существ. Советую таскать с собой для непредвиденных случаев, вроде этого. – как бы между прочим уточнил Князь.

Сет изучал Октавио. Что из себя представляет кнехт? Было несколько неловко, что их знакомство началось подобным образом. Парень ему нравился. А вот он ему – явно нет, но Сета мало это беспокоило. Урок ещё не окончен.

«Эти приказы... Надо извернуться. Надо... Надо обмануть. Надо сопротивляться» – Октавио нервно задыхался, пытаясь себя убедить, что этот процесс организму всё ещё нужен. Остывшая кровь девушки на его теле неприятно холодила кожу и ему казалось, что начала её пощипывать. Безумно хотелось умыться, стереть с себя это все, вместе с воспоминаниями и убраться прочь, но он боялся ослабить давление на рану.

– Обмануть, сопротивляться, – Князь хмыкнул. Октавио, с ужасом осознав, что дамнар теперь видит и слышит его мысли, задержал дыхание, предчувствуя беду.

– Не ты ли говорил про то, что твои воля, мысли и прочее теперь мои? – Князь зловеще улыбнулся. – Плохая идея, сначала назвать меня чудовищем и строить планы о том, как бы меня предать. Видимо, прочувствовал не до конца. Что ж, значит, придётся проучить.

Октавио сжался в один нервный комок, внутренне готовясь обороняться. Итернитас затрепетал в предвкушении.

Князь же небрежно опустил обратно в своё кресло, безучастно сделал глоток вина, полюбовался немного блеском света, играющим на камнях. Затем Октавио услышал Приказ.

– Найди нож. Воткни его остриём этой девке в любой глаз на твой выбор. По самую рукоять. Ни единого слова от тебя слышать не желаю. Выходить из комнаты нельзя. Ломать нож нельзя. Пытаться убить себя или меня, нельзя. Не отходи от этого дивана. У тебя три минуты на выполнение, – всё это Князь произнёс совершенно безразличным, ледяным тоном, вообще не смотря на округляющиеся с каждым новым предложением глаза кнехта.

У Октавио всё похолодело внутри от услышанного. Князь со скучающим видом встал, подошёл к окну и присел на подоконник, отвернувшись от кнехта и жертвы. Начал разглядывать что-то на улице.

К удивлению юноши, первую минуту ничего не происходило. Лишь нарастало беспокойство. Всё сильнее и сильнее. Октавио начал озираться по сторонам в недоумении. Глаза зацепили рукоять ножичка, торчащий из голенища обуви служанки. Всё ещё уверенный, что ничего не происходит, Октавио прекратил давить на тряпку и потянулся к цели. На уже небольшом расстоянии осознал, что тянется к ножу, и одёрнул руку.

Хотел было победоносно сказать, что сопротивляться всё же можно, но лишь засипел, не в состоянии выдать из себя ни звука. Рефлекторно с удивлением схватился за горло. Никаких болезненных ощущений не было. Просто внезапно исчез голос.

Октавио соскочил с девушки, встал на ноги и начал было пятиться, но невидимая нить не давала сделать более пары шагов от дивана. Время шло. Беспокойство нарастало. Руки начали дрожать по неестественным причинам. Юноша перевёл взгляд на Князя – тот всё ещё сидел

на подоконнике и смотрел в окно, ритмично и неспешно покачивая ногой, будто бы ничего не происходило.

Руки вновь потянулись к ножу. Октавио в ужасе, чувствуя, что власти над ними уже нет, сел на пол. Тело спешило. Отведённое ему время заканчивалось. Неведомая сила начала делать рывки вперёд, увлекая за собой кнехта, не заботясь о его положении. Рука выхватила ножичек из голенища, находясь в этот момент под неестественным углом, когда юноша полулежал на полу, силясь встать или отползти, и вообще не смотрел на рукоять.

Когда оружие оказалось зажатым в кулаке, тело швырнуло в сторону головы девочки. С пола было очень неудобно дотягиваться. Магия заставила кнехта встать и посмотреть в лицо мирно спящей девушке. Приказ требовал сделать выбор. Правый или левый?

Октавио отказывался соглашаться. Он отказывался это понимать и принимать. Он молился. Тщетно. До конца отпущенного срока оставалось несколько секунд. Магия требовала исполнения приказа. Рука с зажатым ножиком взметнулась над переносицей девушки. Октавио силился вырваться, но единственное, что ему удавалось – перемещать остриё то над правым, то над левым глазом спящей служанки.

Князь прислушивался к собственным ощущениям. Он действительно мог находиться в мыслях кнехта на расстоянии. Магию смерти подключать для управления марионеткой не было нужды – приказ действительно делал всё за него. Занятно. Раньше Сет думал, что отец всё же кривит душой, обрисовывая принцип работы приказа, обходя природную чувствительность Сета ко лжи.

Октавио вновь засипел. Предательская мысль возникла в голове. «Если она правша, то, может, левый»? Мысль была совершенно глупой. Навряд ли она переживёт лезвие такой длины. Рука Октавио остановилась над левым глазом, и сдвинуть её с места уже не удавалось. В исступлении, Октавио рвался и хрипел. Заострившимися ногтями, которых он не заметил ранее, изранил руку, зажимающую нож. Алые капли брызнули на лицо и шею девушки. Её ресницы дрогнули, но она не пришла в себя.

Почувяв запах крови кнехта, Сет повернулся и расплылся в одобрительной улыбке. Октавио действительно был хорошим человеком при жизни. Он не ошибся, что тот будет пытаться совладать с собой до конца.

Как в жутком сне, рука начала опускаться. Октавио сопротивлялся как мог, из-за чего дело шло медленно. Но время вышло. Рука, игнорируя все старания юноши, резко ушла вниз, к своей цели, исполняя приговор.

Сет перехватил руку Октавио в дюйме от глаза служанки. Кровь в жилах юноши вскипела, возмущаясь отсутствию результата. Лёгкие отказались принимать воздух. Голову сдавило железным обручем с острыми шипами, и продолжало сильнее сдавливать с каждой секундой. Рука Октавио вновь взметнулась вверх в попытке исполнить предназначение ещё раз. Сет вновь её остановил.

Похоже, магия решила, что с телом что-то не то, потому что инициативу взяла на себя другая рука – быстро перехватила оружие и резко нанес удар. Сет остановил и вторую руку. Тело начало биться как в припадке, пытаясь обойти препятствие и достигнуть цели, но Князь отобрал ножик из скользких от крови пальцев, отшвырнул Октавио от девки и отошёл на три шага к окну.

Тело кнехта, измученно болью, кинулось к Князю, стремясь раздобыть злосчастный ножик, но приказ не давал отойти от дивана. Невидимая цепь удерживала. Тогда, к удивлению Октавио, тело упёрлось в край дивана, и начало его толкать в сторону Князя. Сам он об этом не догадался, а магия сообразила. Он уже не сопротивлялся действиям неподчиняющегося тела. Он мечтал лишь о том, чтобы пытка поскорее закончилась. От охватывающей боли Октавио уже практически перестал видеть.

– Достаточно с тебя, отменяю приказ.

Голос Князя подействовал как ушат ледяной воды, мгновенно смывая боль. Октавио, не в силах справиться с ощущением облегчения и покоя, и пережитого ужаса, сжался на полу в комок и разрыдался.

Сет медленно подошёл к юноше, сотрясающемся всем телом на полу возле ног спящей девушки.

– Надеюсь, ты хорошо запомнил все ощущения. Теперь давай, возьми себя в руки.

Октавио поднял на Сета глаза, полные ярости и душевной боли. Силился выдавить из себя хоть слово, но после пережитого потрясения не мог справиться с голосом.

– Не утруждайся. Я догадываюсь, что ты меня сейчас люто ненавидишь. Признаться, я на это и рассчитывал. Мне твоя симпатия не нужна, чтобы управлять, как ты заметил.

У Октавио, и так уже совершенно опустошённого, внутри всё оборвалось. «*Неужели это продолжится?*» – он бегло бросил взгляд на мирно посапывающую во сне девушку, и сердце заняло от страха.

Сет проследил за этим взглядом и виновато вздохнул.

– С неё на сегодня точно хватит, можешь не переживать.

Октавио не смог сдержать вздох облегчения. Почему-то словам Князя верилось.

Взяв безвольно лежащую руку кнехта и сделал надрез на запястье, Сет ловко подставил под струю пустой кубок. Октавио безучастно наблюдал за этой процедурой. Порез быстро затянулся. Князь вытер лезвие о край обивки и вернул ножичек обратно, в голенище к владелице.

Итернитас вдоволь насытился. Безысходность и ужас Октавио, страх и боль служанки, ярость Сета... Паразит уполз в недра каменных стен и затих.

Сет, уже не подстёгиваемый щупальцами замка, произнёс:

– И у меня к тебе есть не приказ, а просьба, – голос Князя показался Октавио безумно уставшим и грустным. Юноша недоумённо поднял на него глаза. – Если кто-либо прельстится перспективой добровольно отдать свою волю на невозвратной основе – отговори. Расскажи без прикрас, чего это ему может стоить.

Октавио в замешательстве утвердительно кивнул. Слова и тон Князя никак не увязывались с тем, что происходило с ним в этой комнате. Почувствовав, что дар речи к нему вернулся, шёпотом спросил:

– Что будет с ней?

Сет посмотрел в изголовье кровати, где вился жнец, не решаясь приблизиться. «*Видимо, всё же она потеряла многовато крови. Придётся отгонять, пока не восстановится достаточно*».

– Очухается и пойдёт работать дальше, – безразлично пожал плечами Князь, – крови потеряла довольно много, но я ей не дам перейти в Долину Тени. Выспится, и всё будет в порядке.

– Как её зовут?

Князь усмехнулся:

– Понятия не имею. Ты каждый раз у обеда имя спрашивать будешь?

У Октавио не было сил ни возразить, ни даже внутренне возмутиться. Да и вопрос явно был риторическим.

– Так. На сегодня всё. Если мне что-то будет нужно, дотянусь до тебя мысленно, – с этими словами Сет осторожно, стараясь не расплескать кровь кнехта из кубка, подхватил девушку на руки и понёс к двери.

Измученный Октавио не мог никак среагировать. Не было сил ни чувствовать, ни шевелиться. Уже в дверях Князь развернулся и предложил:

– Советую тебе твою Зельду отправить в дом Айвори. Поговори с Силавией – наверняка её родня не откажет. Можешь её туда даже сопроводить, но затем вернись в поместье. Будете

врозь, но там она будет в гораздо большей безопасности, чем у твоей семейки. Если будут возражать – сошлись на то, что я приказал. Возмутятся – подсоблю. Только сделай вид, что сам бы рад от неё избавиться, да наложен запрет. Если заметят, что у тебя осталась часть души – проблем не оберёшься, – не обращая внимания на дальнейшую реакцию кнехта, Сет понёс Есению в подземелье, в лабораторию.

Октавио, зацепившись за последнюю фразу, как в полусне прижал окровавленный кулак к сердцу и в изнеможении закрыл глаза.

Интерлюдия 2.1

Мир Атиозес. Бескрайние леса Грика. Дворец «Синьяэстел». 43 года после вторжения

Несмотря на поздний час и большое количество зелени вокруг, стояла невыносимая духота. Тут и там зажигались флюоресцентные огоньки в желобках декоративных вензелей, украшающих антаблемёнты [1] ордерной аркады [2], соединяющей между собой навесной проход между двумя зданиями эльфийского дворца. Изнутри желобков и трещин декоративной облицовки лился мягкий, но достаточно яркий свет, для того чтобы для жителей отпала необходимость использовать по ночам факелы для освещения территории. Вверх по колоннам полз выюнок, из белоснежных цветков которого пили нектар мохнатые мотыльки.

По проходу степенно шествовали трое высоких мужчин. Тот, что по центру, был с длинным посохом, в лёгкой мантии цвета слоновой кости, с ветвистой диадемой, охватывающей голову у висков, оставляя свободной центральную часть. Справа от него шёл юноша ниже на голову. Он был облачён в тёмные одежды, не подходящие для летнего зноя – в коже и тёмно-коричневой грубой ткани можно было свариться.

Лицо его обладало бледным оттенком и выглядела болезненной. Чёрные волосы на голове отливали синевой, а тонкие пальцы с заострёнными ногтями нервно сжимали эфес клинка, то и дело судорожно его перехватывая.

Юноша, что шёл слева от коронованного, был одного с ним роста, в лёгкой зелёной рубаше и простых льняных штанах. То и дело на его плечи, спину и голову садились вечерние бабочки и мотыльки. Юноша не обращал на них никакого внимания. Лишь лёгким ментальным импульсом велел им переместиться, если они по неосторожности пытались лезть ему в глаза.

– Nin Aran [*Мой Король*], я уверен, что сейчас нас услышит лишь ветер. Вы дадите своё позволение свершить предреши́нное? – прохрипел черноволосый.

– Ферджин, мой верный друг, я рад бы дать тебе положительный ответ. Да не могу, поскольку связан клятвами. Пожалуй, по долгу совести я должен отговорить тебя от свершения сего деяния. В любом случае ты мой гость, а не пленник, – коронованный изобразил на лице лёгкую улыбку и слегка поклонился, не сбавляя шаг. – Я лишь хочу напомнить, что это только твоё решение, ты знаешь все риски. Зачарованные предметы могут утратить часть свойств при их использовании в другом мире.

Черноволосый на миг остановился, задумался, терзаясь сомнениями, но решил всё же спросить:

– Мой господин, вы уверены, что это сработает? Что проклятие спадёт, если уничтожить первоисточник?

– Так говорит опыт наших предков. Убьёшь чёрного колдуна – спадёт его колдовство. Убьёшь королеву ехидн – другие особи теряют силу. Дамнары и их детища – вампиры, те же чудовища. Только не принимай на свой счёт, – венценосный вновь слегка улыбнулся.

Ферджин, не сбавляя шаг, еле заметно дёрнул челюстью, подавляя раздражение. Он привык держать лицо. К тому же он был уверен, что эльф не хотел задеть его чувства нарочно.

– Вы ведь сможете объяснить моё временное отсутствие?

– Об этом не тревожься. В долине и горах рядом с Ксантосом много неисследованной территории. Я предложу тебе идти туда, изучать породы и минералы. А уж каким путём будешь добираться – тебе решать.

– Anor galads mín pata, mellon [*Солнце озаряет наш путь, друг*], – решился подать голос юноша.

– Спасибо, друг, – с благодарностью и теплотой принял напутствие Ферджин. Затем, посерьёзнев, обратился к эльфу. – С вашего позволения, я вас покину.

Когда черноволосый удалился, юноша, слегка ускорив шаг, перегородил путь венценосному, попытался поймать его взгляд:

– Почему же вы дали добро Ферджину, а мне строго запрещаете?! – спросил юноша с некоторой обидой в голосе.

Венценосный со вздохом продолжил движение, обогнув юношу:

– Ты всё слышал. Я не давал ему добро – он всё решил сам. Клятвы...

– Да я сотню раз уже слышал про клятвы! – теряя самообладание, с вызовом спросил юноша. – Почему вы запрещаете мне свершить мою месть?

– Я ничего не запрещаю, Ластизэль, – терпеливо, без тени раздражения или недовольства ответил венценосный. – Я лишь прошу тебя подождать хотя бы до тех пор, когда оба дамнара ослабнут. Нет никакой гарантии, что Ферджину удастся совершить задуманное. Ты – туз в рукаве, – с этими словами эльф остановился, незаметно для спутника сжал зубы и потёр сквозь одежды область немного ниже ключицы.

– Точнее, только у тебя сейчас есть сила, способная противостоять наследнику Итернитаса. А если убрать князя, то у тебя будет чуть больше шансов до него добраться. И идти вам вместе – нельзя, – в голосе эльфа послышалась сталь, юноша досадливо поджал губы. – У отца и так паранойя, думаю, что его сыну это настроение тоже передалось. Подобраться к ним на расстояние вытянутой руки будет ой как непросто... и опять же, повторюсь – это ваше, и только ваше решение.

– Я не понимаю, к чему эта игра слов... – упорствовал юноша. – Вы же сами, ещё в Вириди Хорте, рассказали нам... Велели выковать зачарованные клинки, выделяли немалые средства...

– Остынь! – тихо, со скрытым раздражением произнёс эльф. Остановился, нахмурился, сделав глубокий выдох, дёрнул было рукой, но снова выпрямил её вдоль тела. Через мгновение его лицо вновь разгладилось и приобрело спокойно-дружелюбный вид. – Я лишь желал тогда и желаю сейчас, чтобы восторжествовала справедливость. К сожалению, мироздание может решить, что мои попытки вам помочь в этом – являются нарушением клятв, поэтому сейчас я могу помочь лишь советом и словами поддержки. Связан по рукам и ногам этими путями. Перестань меня мучить вопросами в таком ключе. И да, я запрещаю тебе предпринимать что бы то ни было до тех пор, пока не найдётся слабое место у наследника. И пока в Итернитасе их двое, – видя, что Ластизэль вновь собирается протестовать, добавил: – Аэлдулина я в расчёт особо не беру – он всегда был слишком наивен.

– Повинуюсь, – угрюмо пробормотал понурившийся молодой эльф.

– Ластизэль... – голос венценосного приобрёл медовые нотки. – Я разделяю твои чувства. Также я считаю, что ваше дело – правое. Лишь предлагаю действовать осмотрительно. На этом закончим беседу – сюда идут.

С другого конца арки из проема, ведущего во внутренний сад, зашли две высокие женщины. Юноша, узнав вошедших, немедленно склонился в поклоне.

– *Lindele lamime esse, nin emel, thír bo sín, [В моём сердце звучит музыка, глядя на вас]* – лишь смог прошептать юноша в замешательстве. Он ещё не успел остыть после разговора с Селфисом, а Леди всегда замечала, если его душевное спокойствие было нарушено.

Женщина с золотистой диадемой в волосах улыбнулась, подала руку юноше для поцелуя.

– Приятно встретить вас в столь поздний час. Я как раз надеялась, что кто-то сможет отвлечь меня от этого зноя. Вы выглядите взволнованным, что-то случилось?

– *Híríl, govanneth sín blind nin [Леди, встреча с Вами ослепила меня]*, – продолжал лепетать юный эльф, не зная, куда себя деть.

Леди Руасил'авара с лёгким поклоном приняла комплимент. Ластизэль ей нравился несмотря на то, что внешне очень сильно напоминал Сехфир'халлана. Каждый раз, глядя на это

дитя Вечного леса, Леди невольно сравнивала своих сына и внука. Её сердце сжимала тоска, и в голову закрадывались непрощенные мысли: *«Почему я не поговорила с ним перед судом или хотя бы перед изгнанием? Как я могла не заметить миг, когда мой младший сын превратился в монстра?»*.

По крови Ластиэль приходился ей внуком, но по факту являлся последним даром Богини Вечного Леса, своим покинутым детям, заплутавшим среди чужих миров.

В вечер его рождения шёл проливной дождь. Небо оплакивало мир, покинутый демиургом. Леди молилась в цитадели белых роз. Цветы уже успели скинуть свои лепестки несмотря на разгар лета, и превратить дорожки в осеннее месиво, начинающее источать запах перегноя. Когда она услышала плач младенца, сначала отмахнулась – среди её народа давно не было носящих под сердцем дитя. К тому же из-за непогоды и шума за пределами беседки, ей могло и почудиться.

Небо в месте разрыва ткани юниверсума так и не затянуло брешь. Рана рассекала небосвод кривой тёмной расщелиной, видимой из любой точки Вириди Хорта даже ночью, поскольку она мерцала пурпурными бликами. Земля устала дрожать и рассыпаться на части. Под воду и в толщу земли успели уйти несколько городов. Некоторые здания, в том числе и эльфийский дворец, пострадали не слишком сильно, поскольку были вдали от эпицентра места, откуда демиург решил покинуть свой мир и уйти в инфинитум. Но волна разрушений постепенно добиралась и до Вечного Леса.

Земля много дней извергала огонь из своих недр, орошая пеплом мир на много миль вокруг. Если бы не вышедшие из берегов реки, и не изломы на земной коре – лава наверняка затопила бы всё живое, но раны на теле мира создали для подземного огня своеобразный барьер. Извержения длились уже несколько месяцев. Горы могли заснуть на пару недель, но потом вновь продолжали извергать пламя и пепел. Создавалось впечатление, что мир вот-вот распадётся на несколько гигантских кусков, и разлетится в бесконечности вслед за демиургом.

А ещё одни за другим, вопреки воле служащего дамнару некроманта оживали кладбища. Жрец Итернитаса уже не успевал привязывать упырей к замку – мертвецы атаковали ближайшие деревни и городки, вырезая подчистую всех жителей. И убитые ими пополняли уже неконтролируемую армию тьмы.

Гибель мира была настолько очевидна, что свет и тьма сели за стол переговоров, обсуждая, как справиться с общей бедой. Было необходимо наступить на горло гордости, закрыть глаза на прошлые обиды и заключить перемирие. Тогда Леди Руасил молилась, о том, чтобы их решение уйти, утащив с собой чудовищный замок, оказалось верным. И если их бегство заберёт с собой хотя бы ту магию, что привела к катастрофе, юниверсум со временем сможет залечить свои раны. И у оставшихся в этом мире существ появится шанс выжить. Быть может, тогда Первая Мать передумает и вернётся... Эльфийка мало надеялась на то, что её молитва достигнет ушей Богини. Увы, покидая свой мир, демиург забрал надежду с собой. Леди пыталась ощутить хоть толику её присутствия, абстрагируясь от всего, что происходило вокруг...

Но крик усиливался, становился всё надрывнее и жалобней. Леди вышла под водопад холодных капель и пошла на звук. Плач привёл её к деревцу, выросшему на могиле Глиндменел – убитой Сехфиром девушки несколько десятилетий назад. Корни дерева расступились, чтобы проходивший мимо путник мог извлечь дитя из природной люльки. Широкие листья будто пытались укрыть малыша от дождя, но они уже не справлялись с потоками небесных вод, и колыбель затапливало – земля не успевала впитать всю обрушившуюся на неё жидкость. Таким образом на свет обычно появлялись дриады, если в мёртвой женщине оставалось мужское семя. Выросшее на костях дерево, спустя десятилетия, а иногда и столетия, могло дать новую жизнь, если было благословлено Богиней. Но так случалось с девочками, а младенец был мальчиком.

Рождённые самой природой дети не имели своих собственных родных, но становились детьми каждого эльфа Вечного Леса. Леди знала, на чьей могиле выросло дерево, а значит это дитя было её прямым потомком, пусть ему и никогда не узнать об этом.

Она взяла на руки внука, мысленно поблагодарив Первую Матерь за последний подарок. Поклялась, что сохранит тайну, чтобы сердце дитя не очернилось жаждой мести, и приложит все усилия, чтобы он вырос достойным эльфом, не испорченным влиянием отца.

– Миледи, вы опечалены? – Ластияэль озадаченно вглядывался ей в глаза, вероятно, она слишком надолго предалась воспоминаниям.

– Нет-нет, я просто уже устала, – Леди, встрепенувшись, передала руку для поцелуя Селфис'харлану. – Но ты мне не ответил. Это огорчает и тревожит меня...

Интерлюдия 2.2

Ластизель посмотрел на Селфиса, на мгновение прикинул губами к руке Леди Руасил, надеясь получить подсказку для ответа. И молодому эльфу почудилось изменение в облике повелителя. Настолько же мимолётное, насколько и сам поцелуй, но заставившее его сердце съёжиться от необъяснимого волнения. Поскольку морок быстро исчез, он списал видение на перегрев и духоту.

– Мой друг, Ферджин, скоро уезжает. Мы расстанемся надолго, это беспокоит меня, – с тоской в голосе признался юный эльф.

Леди Руасил легонько качнулась, почувствовав головокружение, что не осталось незамеченным Селфисом, но равновесие не потеряла.

– Мой дорогой, не стоит печалиться, я знаю, что ты привязался к нему за эти годы. Но по правде сказать, я рада, что ваши пути временно разойдутся. Как бы Ферджин не был благороден и учтив, он – дитя Тьмы. Тебе следует подходить к выбору друзей с мудростью.

Ластизель ещё сильнее побледнел, сжал губы и поклонился.

– Уверен, что вы ошибаетесь. Надеюсь, что скоро он сможет это доказать, – упрямо и слегка обиженно произнёс юный эльф.

– Я не хотела задеть тебя, – мягко, извиняясь, произнесла эльфийка. – И я искренне желаю ошибаться на его счёт. А теперь, дорогой сын, вы сопроводите меня до покоев? Мне хотелось поговорить наедине.

– Разумеется, Матушка, – Селфис подставил локоть, чтобы Леди Руасил могла удобно схватиться. – Вы все свободны, – обратился он к юноше и сопровождающей Леди эльфийке.

Когда они удалились на значительное расстояние от посторонних глаз, Леди продолжила разговор:

– Я рада, что вы проводите с Ластизелем так много времени вместе. Он явно очень одинок в этом мире. Подскажи, могу я для него что-то сделать? – с тревогой о внуке спросила она сына.

Селфис, зная о привязанности Матери к пареньку, решил что это подходящий момент:

– У птенца уже давно окрепли крылья, но мы не даём ему летать. Другие дети леса уже неоднократно побывали в ковенах, в Итернитасе и человеческих городах. Почему бы не дать ему чуть больше свободы передвижения? Уверен, что он сможет за себя постоять при необходимости.

– Меньше всего на свете я хочу, чтобы он попал в Итернитас.

– Почему же? – Селфис излучал уверенность и безмятежность, – Князь Корвос достаточно радушно принимает гостей из леса. За четыре десятка лет ещё ни один эльф не пострадал в его владениях, – по негласному договору, о наследнике они никогда не упоминали.

Леди Руасил тяжело вздохнула. Даже любимому сыну она остерегалась открыть тайну родства с Ластизелем.

– Он – чистая, невинная душа. Боюсь, что попадёт под дурное влияние.

– Нельзя же вечно держать его взаперти. В конце концов, золотые прутья всё равно остаются клетью. Я тоже беспокоюсь о его судьбе, и не считаю правильным лишать его возможности узнать мир.

– Быть может, ты и прав. Но вдруг он сам не хочет? Быть может, уговорить Ферджина остаться? А то действительно ринется на поиски приятеля.

Вернуть обратно сводного кусачего братца в планы Селфиса никак не вписывалось:

– Можно, если он ещё не ушёл. Можно даже вернуть, если вам это угодно, но вы сами остерегаетесь, к чему может привести эта болезненная привязанность. А выйдя за пределы лесов Грика Ластизель сможет реализовать себя, найти своё место в мире. В конце концов, он может захотеть вернуться. Только вот если накинуть ему лассо на шею и сунуть уздечку в зубы,

навряд ли это приведёт к безмерной любви к родному дому – он же эльф, а не лошадь. Мы – вольный народ.

– Да, ты снова прав, мой мудрый сын, – Леди повернулась, легко поцеловала его в уголок губ. – Я рада, что правителем станешь именно ты со временем, – тут она снова почувствовала головокружение и оступилась.

Селфис успел её подхватить:

– Вам нездоровится? – с заботой и участием осведомился эльф.

– Духота и усталость. Я в порядке, – Леди улыбнулась. – Но, пожалуй, пора мне поспать. Вы тоже собираетесь отдыхать?

– Я, пожалуй, сегодня ещё пободрствую. Хочу немного побыть один. Слетаю в парящую беседку. Может, там и заночую.

Когда Селфис проводил Леди Руасил в её покои, неспеша двинулся в сторону конюшни, охотно оповещая всех случайных встречных подданных о своём местоположении на ближайšie часы.

Приятным бонусом мира Атиозес оказались пегасы. Отличная альтернатива крыльям проклятых. Хотя бы не болезненно, как об этом рассказывал Сехфир. Повторное головокружение матери заставило Селфиса немного заволноваться: *«Да уж, не ожидал, что она сегодня коснётся моих губ повторно. Может, стоит уменьшить концентрацию в следующий раз. Как бы не заметила взаимосвязи»*.

Чем хорошо было соединение Вердерприда с ядом Инхекского скорпиона, личный рецепт Селфиса – он совершенно не оставлял следов на коже жертвы и имел накопительный эффект. Мазь из железы улитки Гигантимус Вирде, тонким слоем нанесённая на кожу губ наследника Синьяэстела хорошо защищала от впитывания губительной смеси. А поскольку в бальзамах и кремах, особенно в такую обезвоживающую погоду никто не видел ничего предосудительного, никто бы не заподозрил неладное.

Если ему что-то и перепало, то кровь князя Корвуса, которая текла и в его жилах, хорошо способствовала сопротивлению ядам, хоть и не давала настолько активную регенерацию, как Сехфиру. А для полного выведения яда из организма всегда к услугам эльфа был антидот. Так же разработанный им, и имеющийся всегда в достатке в лаборатории, куда он сейчас и направлялся.

Парящие гвэйлусоды довольно часто встречались на Атиозесе. Обычно они были бесполезны – слишком маленькие (за исключением того, где в итоге построили Ксантос), для полезного использования. Слишком неудобные для того, чтобы туда забираться. Амплитуда этих кусков скальной породы и почвы, висящих в воздухе на несколько метров от земли была невысокой – в безветренные дни казалось, что они застыли на одном месте, и просто представляют собой скалу, развёрнутую вверх тормашками, с растительностью на смотрящем в небо «дне».

Рядом с местностью, где обосновались эльфы, парили сразу несколько небольших гвэйлусодов. Поскольку никакого особо практичного применения придумать им не смогли, лишь облагородили – поставили беседки, скамейки, соединили мостками с регулируемыми перилами.

Самый крупный из этого скопления, летучий островок находился ближе всех к небесам. Из-за высоты, на его поверхности было достаточно прохладно, и большинство жителей дворца Синьяэстел довольствовались нижними ярусами комплекса. А вот Селфис её облюбовал. Своё желание установить беседку и отапливаемый домишко он мотивировал тем, что прохладный воздух хорошо прочищает мысли, и уединение способствует успокоению разума.

Никто не возражал. Селфис хорошо заплатил строителям, задержавшимся после окончания основных работ – чтобы втайне выскоблить внутренности гвэйлусода и оборудовать помещение под лабораторию. Дым и пар через вытяжку под слоем земли выходил через печную

трубу наружного домика. Система фильтрации избавляла от запахов, но и гостей наследник Вечного леса к себе не водил, чтобы об этом сильно беспокоиться.

Воздушные потоки на такой высоте свирепствовали довольно сильно, заставляя ловцов ветра петь свои переливчатые песни, и им вторили заунывным плачем органные трубы, установленные во всём четырёх сторонам света. Даже если бы во время «уединения» к Селфису кто-то бы зашёл по срочному делу, за музыкой ветра навряд ли бы смог различить едва слышимый вой, исходящий из-под земли.

Если хочешь что-то спрятать, положи на видное место, и не утаивай. Стал бы преступник каждый раз оповещать всех интересующихся о своём местоположении, где он содержит своих жертв?

В любом случае личное пространство у эльфов очень ценилось, и по пустякам Селфиса никто не беспокоил в парящей беседке уже много лет. На случай непрошенных гостей, хозяина домика оповестил бы колокольчик, дублирующий сигнал уже под землёй. Проход в лабораторию же прятался, банально, в подполе, нижним ярусом под квадратным метровым поддоном с соленьями и консервами. Тут строители постарались на славу – щель от люка за несколько секунд засыпалась мелкодисперсным песком при закрытии, благодаря лёгкому наклону и простому механизму циркуляции этого материала. Может же эльф иметь какие-то слабости и вкусовые пристрастия? Да и «подопытных мышек» надо чем-то иногда кормить.

Заведя пегаса в небольшую конюшню, Селфис запустил вытяжку и вышел в беседку, пока помещение проветривалось от миазмов, источаемых заточенными тварями.

Да, он сполна заплатил рабочим – их семьи получили по увесистому кошельку с золотыми и серебряными монетами. Но то и дело родные получали вести о новых проектах, вдали от Синьяэстела. А так же, вести о внезапной и трагичной кончине. Опыты не всегда были удачными. Эссенции иногда убивали позарившихся на «лёгкий заработок» незадачливых строителей.

Пока эльф ожидал очищения воздуха от неприятных запахов, сидя в беседке, предавался лёгкой дремоте и пространственным размышлениям.

«Мать действительно не знает, что я и Ластизель в курсе её маленькой тайны уже много лет. Парень доверчив, как и бабка, но предан мне. И будь у него мой характер, а не этой смазливой дурочки, посмеившей сопротивляться, может бы и вышел из него толк. Всё-таки удачно тогда Сехфир оказался поблизости. Зря попытался поднять шум. Жаль только, что всё сложнее находить козла отпущения... Как там теперь его зовут, как-то коротко и созвучно? Сех? Навряд ли бы он оставил слог "мягкий". Видимо, созвучно... "Сет", "помеченный". Что ж, символично... Вероятно, мне всё же стоит жениться и завести детей обычным способом... Дар Богини явно долго не проживёт. Кажется, у Ластизеля уже совсем руки чешутся отомстить. Эх, паренёк, походи, пока Ферджин разберётся с твоим дедом...», – руну клятвы на грудной клетке снова начало нещадно жечь, что заставило Селфиса зашипеть и выбраться из дремоты.

– Зараза, даже мысли прикажешь контролировать? Это его, и только его решение. После клятв я не спонсирую, не отдаю приказов и даже отговариваю. Гнида, хватит жечь! – эльф дёрнул ворот, подставляя начавшую алеть руну холодному ветру. Всё равно кроме пегаса его сейчас никто не увидит. Прохладный воздух притуплял боль. Устная речь успокаивала механизмы клятв. Понаслаждавшись ещё немного видом Синьяэстела с высоты птичьего полёта, Селфис спустился в лабораторию.

Подопытные, ещё не подвергшиеся метаморфозам рабочие спали, лёжа в зачарованных клетках. Надо будет их разбудить, дать еды. Он уже дня три точно сюда не заглядывал... У образца №8 немного сохлась кожа. Образовались нарывы, придавая «твари» крайне отвратительный вид.

Брезгливость не числилась в официальных чертах наследника эльфийского трона. Он дотронулся сквозь прутья к виску твари, попытался увидеть разум. Пусто. Как у мертвеца. Инъекция бодрящей сыворотки на основе крови Селфиса ничего не дала. Тело было явно мертво и нещадно воняло. «*Что ж, снова живой мертвец у меня не вышел...*» – пробурчал себе под нос эльф, как вдруг услышал звериный рёв, и ожившая тварь с яростью напрыгнула на внутренние стенки клетки.

Селфис, не ожидая такого поворота, шарахнулся, задев стол, сильно его пошатнув. Разбились несколько склянок, укатилась дудочка Багхеса, которую тот подарил Селфису в знак дружбы, перед отъездом в Итернитас. «– *Будь уверен, свою личную вещь я почую даже на дне океана, и смогу добраться до неё и забрать. А, может быть, и её что-то или кого-то вместе с ней... Только потренируюсь у твоего братца для начала, – хорнд заговорчески подмигнул, махнул хвостом и рассмеялся, – надеюсь, сможем повеселиться. Я пришлю весточку, когда буду готов попробовать*»...

Селфис, глядя на стенающего и кидающегося на прутья в бешенстве мертвеца, рассмеялся, не обращая внимания ни на разбитые склянки, ни на укатившийся под стол артефакт. Пусть и не с помощью магии, но рубеж «некромант» он взял, даже без участия замка Итернитас. Он ещё сможет убедить эту глупую, но мощную грудку магических камней, что она ошиблась в выборе своего будущего хозяина.

Всё ещё смеясь, эльф провёл ладонью по щеке снизу вверх, задержал её на лбу, слегка надавив по его центру раздвинутыми пальцами. Когда он поймал взгляд беснующейся твари, её парализовало на время. Отсмеявшись, чувствуя невероятный душевный подъём, Селфис прокричал в пустоту в эйфории, будто надеясь, что его сможет услышать адресат:

– Ну что, братец? Поиграем?

---

[1] балочное перекрытие пролёта или завершение стены, состоящее из архитрава, фриза и карниза

[2] непрерывный ряд равных арок с ордерной колоннадой

Глава 17.1. Лаборатория

Зайдя в лабораторию, Сет первым делом поставил кубок на тумбу, подальше от края, отодвигая нагромождённый хлам, грозящийся упасть. Затем, скептически окинув помещение взглядом, положил девку себе под ноги, перешагнув через неё и подошёл к столам, расположенным параллельно друг другу. На их поверхностях царил хаос похлеще, чем в отцовском кабинете. Сет выбрал стол, где бьющихся предметов стояло чуть меньше, и начал переставлять колбы на соседние столы, тумбочки и шкафы, с досадой замечая, что свободного места толком нет, а ингредиентов и эмульсий тоже толком нет – почти всё либо позаканчивалось, либо пришло в негодность.

Остатки засохших крошек каких-то трав и бумагу просто смахнул на пол. Затем вернулся к девке, поднял её на освободившийся стол и осмотрел рану.

Понятное дело, что лезвием рана была бы стократ аккуратнее. Октавио, в силу неопытности, хорошенько разодрал плоть, хоть и явно целился в относительно безопасные участки. Возможно, останется довольно-таки грубый шрам.

Князь раздражённо вздохнул. Врачевать он не любил. Во всяком случае, это занятие всегда его вгоняло в подавленное состояние. Магия воды была очень близка магии жизни. Многим целителям не стоило никаких усилий помочь затянуться такой ране. А ему придётся действовать как сельской знахарке – иголкой, ниткой, да травами.

Покопавшись немного по шкафчикам, лекар поневоле нашёл всё необходимое и как смог, залатал девушку, стараясь сделать всё как можно аккуратнее. Ситуация вызывала у него лёгкую неловкость. Всё-таки, наверное, можно было бы обойтись с Октавио помягче... О лежащей на столе девушке он толком не думал, пока не заметил, что у неё потихоньку синеют губы, а из ноздрей выдыхается еле заметный пар.

Сет в раздражении зарычал. Лаборатория находилась рядом с ледником, и температура в помещении была соответствующая. Ему самому холод не вредил, а о том, что человеку может быть морозно в помещении элементарно забыл. Да и жнец всё никак не отставал. Вился следом, будто привязанный. Хорошо хоть Итернитас наелся вдоволь, и не цепляется ни к нему самому, ни к девке... Невезучей служанке, которая умеет читать.

Эта мысль натолкнула на неожиданное решение. Сет отправился в ледник.

В глыбах льда и снега, которые он сам туда натаскал и обновлял периодически, лежал раскромсанный труп твари и флаконы с эмульсиями, требующие низких температур, и несколько вёдер. Также были воткнуты в лёд пара лопат. Про перчатки Сет снова забыл. В тишине раздался обречённый вздох.

Князь, поборов брезгливость, поднял за остатки волос голову твари и положил в одно из вёдер. Затем накопал ещё два ведра льда. Должно хватить.

Взял с собой ношу, вернулся в лабораторию, ещё в коридоре подав импульс к ведру со льдом, чтобы частицы воды вновь начали приобретать жидкое состояние и постепенно разогревались.

Подойдя к столу с явно замерзающей девушкой, снова снял её на пол. Затем выплеснул горячее содержимое ведра на освободившуюся поверхность, контролируя магией отлетающие капли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.